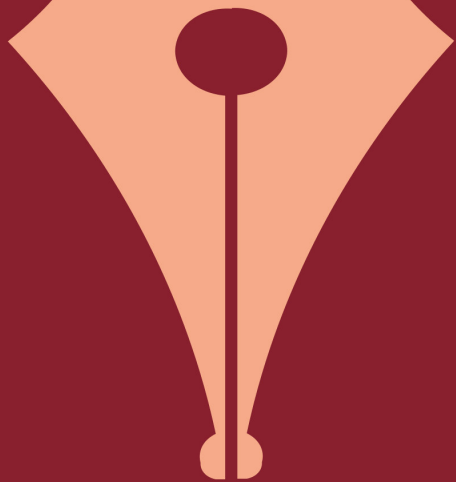

ИВАН БУНИН

ДНЕВНИК
1917–1918 ГГ.

Иван Алексеевич Бунин
Дневник 1917–1918 гг.
Серия «Окаянные дни», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173102

Окаянные дни: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-04-002265-4, 5-699-19418-5

Аннотация

«Хорошая погода. Уехала Маня. Отослал книгу Нилуса Клестову. Письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени – яркость голубого неба и белизна облаков, когда шел среди деревьев под Колонтаевкой, по той дороге, где всегда сыро.

Слух от Лиды Лозинской, – Ив. С. в лавке говорил, что на сходке толковали об «Архаломеевской ночи» – будто должна быть откуда-то телеграмма – перебить всех «буржуев» – и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу – то же сказал и Сергей Климов (не зная, что мы уже слышали, что говорил Ив. С.): на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков...»

Иван Бунин

Дневник 1917–1918 гг

«...Все преграды, все заставы божеские и человеческие пали».

«...России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец».

ИВАН БУНИН

Глотово. 1 августа 1917 г.

Хорошая погода. Уехала Маня. Отослал книгу Нилуса Клестову. Письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени – яркость голубого неба и белизна облаков, когда шел среди деревьев под Колонтаевкой, по той дороге, где всегда сыро.

Слух от Лиды Лозинской, – Ив. С. в лавке говорил, что на сходке толковали об «Архаломеевской ночи» – будто должна быть откуда-то телеграмма – перебить всех «буржуев» – и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу – то же сказал и Сергей Климов (не зная, что мы уже слышали, что говорил Ив. С.): на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков.

Позавчера были в Предтечеве – Лихарев сзывал земельных собственников, читал устав «Союза земельных собственников», приглашал записываться в члены. Заседание в школе. Жалкое! Несколько мальчишек, Ильина с дочерью

(Лидой), Лихарев (Коле сказал «риторатор»), Влад. Сем., Коля, я (только в качестве любопытного), что-то вроде сельского учителя в старой клеенчатой накидке и очках (черных), худой старик (вроде начетчика), строгий, в серой поддевке, богач мужик (Коля сказал – Саваоф), рыжий, босый, крепкий сторож училища. У всех последних страшное напряжение и тупость при слушании непонятных слов устава. Приехал Абакумов, привез бумаги на свои владения, все твердил, что его земля закреплена за ним, «остолблена его величеством». Думал, что членские взносы пойдут на «аблакату» (долженствующего защищать интересы земельных собственников). Генерал Померанцев, гостящий у Влад. Сем., замечательная фигура.

Абакумов вернулся вместе с нами, возбужденный. «Ну, записались! Теперь чтой-то даст Бог!»

2 августа

Очень холодное, росистое утро. Юлий и Коля ездили в Измалково.

День удивительный. В два часа шли на Пески по саду, по аллее. Уже спокойно, спокойно лежат пятна света на сухой земле, а в аллее, чуть розоватые. Листья цвета заката. Оглянулся – сквозь сад некрашенная железная, иссохшая крыша амбара блестит совершенно золотом (те места, где стерлась шелуха ржавчины).

Перечитывал Мопассана. Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов пять – все сущие пустя-

ки, не оставляют никакого впечатления, ловко и даже неприятно щеголевато-литературно сделанные.

Был Владимир Семенович. Отличный старик! Как Абакумов, не сомневается в своем пути жизненном, в своих правах на то и на другое, в своих взглядах! Жалуется, что революция лишила его прежних спокойных радостей хозяйства, труда.

3 августа

Снова прекрасный день, ветер все с востока, приятно прохладный в тени. На солнце зной. Дальние местности в зелено-голубом тумане, сухом, тончайшем.

Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмевавшийся без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

В саду по утрам, в росистом саду уже стоит синий эфир, сквозь который столбы ослепительного солнца. До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые. Коля, Юлий, я ездили в Кочуево к Ф(едору) Д(митриевичу) за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т. д.!

4 августа

Ночью уехал (в Ефремов) Женя. Почти все утро ушло

на газеты. Снова боль, кровная обида, бессильная ярость! Бунт в Егорьевске Рязанской губернии по поводу выборов в городскую думу, поднятый московским большевиком Коганом, – представитель совета крестьянско-рабочих депутатов арестовал городского главу, пьяные солдаты и прочие из толпы убили его. Убили и товарища городского головы.

«Новая жизнь» по-прежнему положительно ужасна! Наглое письмо Троцкого из «Крестов» (?) – напечатано в «Новой жизни».

День – лучше желать нельзя.

Если человек не потерял способности ждать счастья – он счастлив. Это и есть счастье.

8 августа

Шестого ездил в Каменку к Петру Семеновичу. Когда сидели у него, дождь. Он – полное равнодушие к тому, что в России. «Мне земля не нужна». «Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!»

Погода все время прекрасная.

Нынче ездили с Колей в Измалково. Идеальный *августовский* день. Ветерок северный, сушь, блеск, жарко. Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, думал, что бывает, что стоит часа в четыре довольно высоко три четверти белого месяца, и никто никогда не написал такого блестящего дня с месяцем. Люблю август – роскошь всего, обилие, главное – огороды, зелень, картошка, высокие конопли, подсолнухи. На мужицких гумнах молотьба, новая солома возле

тока, красный платок на бабе...

Колю подвез к почте, сам ждал его возле мясной лавчонки. Возле элеватора что-то тянут – кучка людей сразу вся падает почти до земли. Из южного небосклона выступали розоватые облака.

Поехали домой – встретили на выгоне барышню и господина из усадьбы Комаровских. Он весь расхлябанный по-интеллигентски: болтаются штаны желтоватого цвета, кажется, в сандалиях, широкий пояс, рубаха, мягкая шляпа, спущенные поля, усы, бородка – а la художник.

9 августа

Ездили с Верой в Предтечево. Жаркий дивный день. Поехали к Романовским за медом, не доехали – далеко чересчур мост, повернули назад, поехали к Муромцевым...

11 августа

С утра чудесный день. Вера не совсем здорова, опять боль, хотя легкая, там же, где в прошлом году, и под ложечкой. Беспокойное темное чувство.

Перед вечером к Федору Дмитриевичу на дрожках – я, Коля, Юлий. Потом кругом Колонтаевки. Тучи с запада. В лесу очень хорошо, я чувствовал тайный восторг какой-то, уже чувствуется осенняя поэзия. Дорога в лесу и то уже осенняя отчасти. Когда выехали на дорогу – грандиозная туча с юга, синяя. Ливень захватил уже на дворе.

Дней десять тому назад начал кое-что писать, начинать и бросать. Потом вернулся к делу Недоноскова. Нынче уже

опять почувствовал тупость к этой вещи.

13 августа

Как и вчера, день с разными тучками и облаками, – небом необыкновенной красоты. Вчера опять ездили с Колей к Федору Дмитриевичу за медом. Умиляющее предчувствие осени.

Нынче Коля уехал в Ефремов. Совсем уехала кухарка с детьми, с Жоржиком. Я возле телеги шутил с ним, целовал (как не раз прежде) – они уехали, даже головой не кивнув. Животные!

Ходили с Юлием к Вас... Дежурному. Заходили тучи, была жара. Потом разошлось, прелестная погода. Сидели в лощинке, читали газету. Потом по деревне. Грязь, все развалено. Собственно, никто ничего не делает почти круглый год. А Шмелевы лгут, лгут про русский народ!

Кажется, одна из самых вредных фигур – Керенский. И направо, и налево. А его произвели в герои.

Читал «Наше сердце».

«Хвост и уши отрубить (собаке) – злей будет». Как глупо!

14 августа

Проснулся от юношески сильной эротике – сон, что мне отдалась в первый раз какая-то девушка, чарующая какой-то простой прелестью.

Девка на варке что-то работает лопатой железной – заносит высоко и ставит ногу на лопату – видел это, выйдя на двор днем, и волновался.

Кончил «Наше сердце». Искусно, местами очень хорошо, но остался холоден. Так длинно и все об одном и в конце концов пустяковым. Герой совсем не живой и не заражает сочувствием, героиня видна, но тоже как будто неживая.

Утром немного работал над «Любовью», немного так – одесское утро (начало – чего, еще не знаю).

Облака и солнце. После обеда я, Юлий и Вера в Колонтаевку. Жара. Вера после болезни еще – прозрачней, что ли. Зашел в контору, там наговорил глупостей с Каблуковым и Дм. Алекс., взял «Раннее утро». Прочел первый день московского совещания. Царские почести Керенскому, его речь – сильно, здорово, но что из этого выйдет? Опять хвастливое красноречье, «я, я» – и опять и направо и налево. Этого совместить, вероятно, нельзя. Городской глава – Руднев! до сих пор не могу примириться! – приветствует совещание, а управские курьеры хулиганят в знак протеста против этого «контрреволюционного» совещания – вылили чернила из всех чернильниц – и управа не работала! Зайчик (солдат наш), «как капля солнца», отражает в себе все главное русское демократии (тот, что прогнал девиц из Ельца, переписывающих хозяйство мужиков, и кричал, чтобы мужики, выбиравшие представителей на выборы в церковный собор, не подписывались – «вас в крепостное право хотят обратить»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.